

Глава 9. Потереть ему спинку?

Последние десять лет Су Мо хранил в памяти образ того мальчишки, с которым когда-то пересекся лишь раз. Он и сам не понимал, почему это воспоминание врезалось в сердце так глубоко, но это чувство было неистребимо. Ему отчаянно хотелось встретиться с ним снова, а еще больше — подружиться.

Он украдкой взглянул на Хань Дуна. В его манерах, в этой напускной развязности и наглости проскальзывало нечто знакомое. Неужели такое совпадение возможно? Су Мо помнил одну примету: у того мальчишки на внутренней стороне бедра, почти у самого паха, была алая родинка. Но проверить это сейчас не представлялось возможным — слишком уж интимное место.

— Чего уставился? Выпить хочешь? — Хань Дун заметил его взгляд и усмехнулся.

Су Мо качнул головой и принялся за еду, обмакивая кусочек мяса в соус.

Пока компания наслаждалась ужином, Хань Дун внезапно с грохотом бросил палочки на стол и нахмурился.

— Опять тебя переключило? — спросил Су Цзинь.

— Болит, — Хань Дун скосил глаза на Су Мо. — Там, внизу, всё огнем горит. Ума не приложу, как я так умудрился.

Су Мо мимолетно взглянул на него. Внешне он оставался невозмутимым, но сердце предательски екнуло.

— Внизу? — Лян Цинь явно не догонял.

— Перепил он вчера, вот ему всё лишнее и повывергивали, — хохотнул Су Цзинь. — Неужели сам не помнишь? Зато теперь не такой заросший.

— Я тут в одной книжке читал, что у кого волос на теле много, у того либидо зашкаливает, — вставил Лян Цинь. — У Хань Дуна вон даже ниже пупка волосы растут, это ж какая мощь, а! Ну и ну.

— Да брехня это всё, — огрызнулся Хань Дун.

Лян Цинь ухмыльнулся:

— Ну, тогда тому, кто с тобой свяжется, придется несладко. Навыки понадобятся.

— У меня с «растительностью» всё в норме, — Су Цзинь окинул взглядом свои руки и посмотрел на брата. — У Сяо Мо её почти нет.

— Да у него не просто «почти нет», у него всё идеально, — добавил Лян Цинь.

— Ты-то откуда знаешь? — Хань Дун вскинул бровь.

— Так мы с детства вместе. В баню общую постоянно ходим, конечно, я его видел, — Лян Цинь как ни в чем не бывало закинул в рот кусок закуски.

Хань Дун покосился на Су Мо. Тот ел, не поднимая головы, будто этот разговор его совершенно не касался. Такая отстраненность раззадорила Хань Дуна, и он решил его поддразнить:

— Я тоже видел. Я его только что в душе отмывал, натёр до блеска. Он даже сейчас в моих трусах сидит.

Су Мо замер, пережевывая мясо. Он поднял взгляд на Хань Дуна — в его глазах застыла смесь холода и жгучего смущения. Хань Дун остался крайне доволен произведенным эффектом.

«Бесстыдник! Что значит "натёр"? Просто спину потер, и всё!»

— Ты его тёр? — Лян Цинь округлил глаза.

Хань Дун, заметив, в какую сторону поползли их мысли, поспешил уточнить:

— Да не в том смысле. Спину ему потер, и всё. Чего вы на меня так вылупились?

— Да нет, ничего, — Лян Цинь качнул головой. Заметив, что Су Цзинь пристально наблюдает за братом, он толкнул друга локтем: — Давай ешь уже.

Су Цзинь был в замешательстве. Он знал своего брата: тот с детства терпеть не мог чужих прикосновений, а уж раздеться при ком-то — и подавно. В бане он позволял брату лишь пару раз пройтись мочалкой по спине, и то быстро пресекал попытки. Лян Цинь, хоть и был своим в доску, за все годы к телу Су Мо даже не притрагивался, разве что рук касался.

— Сяо Мо, а трусы Дун-цзы тебе не велики?

«Конечно велики, а что делать?» Талия у Хань Дуна была заметно шире, чем у Су Мо. Ему и самому не хотелось их надевать, но не натягивать же грязное на чистое тело.

— А талия у него совсем тоненькая, — Хань Дун ухмыльнулся, за что тут же получил от Су Мо гневный взгляд.

— Ладно, доедайте и по домам, — прервал их Су Цзинь.

Хань Дун посмотрел на него:

— После ужина выйдете со мной ненадолго. Есть дельце.

— Что случилось? — нахмурился Су Цзинь.

— Кое-кто собрался мне морду набить. А уходить от вызова — не в моем стиле.

— И много их? — уточнил Лян Цинь.

Хань Дун дерзко улыбнулся:

— Мне плевать, сколько их там будет. Главное — знать время и место.

Су Мо едва заметно улыбнулся. Он должен был признать, что эта дерзость, эта первобытная мужская сила в Хань Дуне его притягивала. Это было именно то, что он сам всегда хотел иметь, но не мог себе позволить.

Около восьми вечера Су Мо сидел за письменным столом, то и дело поглядывая в окно. Су Цзиня всё еще не было.

В комнату вошла мать с бокалом молока:

— Сяо Мо, выпей-ка на ночь.

«Мам, молоко дорогое, может, не будем больше заказывать?»

— Перед сном полезно. На молоко у нас денег хватит, не переживай.

Су Мо улыбнулся и послушно выпил всё до капли. Су Моли тоже взглянула в окно:

— Брата твоего всё нет? Сяо Мо, ты поговори с ним. Пусть поменьше с Хань Дуном водится. Тот

богатый, ему развлекаться по карману, а нам — нет.

«Он хороший человек».

— Парень-то он, может, и неплохой, но посмотри на брата. Как начал с ним общаться, так ни дня вовремя домой не пришел. А ему в университет поступать. Скажи ему, он тебя слушается.

Су Мо кивнул. «Папа спит?»

— Да, вымотался. Ему завтра спозаранку в рейс, — Су Моли похлопала сына по плечу. — Ты тоже ложись. Пойду «Мою прекрасную принцессу» посмотрю.

Су Мо знал, что троица ушла на разборки. На сердце было беспокойно. Он ворочался в постели, сон не шел. За окном стояла тихая ночь, и он, накинув куртку, решил выйти на улицу — подышать.

Осенний воздух уже обжигал холодом. На тускло освещенной улице лишь изредка проносились машины. Су Мо шел, вглядываясь в темноту в поисках брата, как вдруг заметил в проулке двоих. Они страстно целовались.

Он хотел было отвернуться, но фигура женщины показалась ему знакомой. Присмотревшись, он остолбенел: это была мать Тянь Сяюя, Цзинь Цзюань. А мужчина — тот самый мясник с западного рынка.

Парочка в подворотне не на шутку разошлась, здоровяк уже бесстыдно блуждал рукой по груди женщины. Су Мо поморщился и только собрался уйти, как его взгляд встретился со взглядом Цзинь Цзюань.

Та в испуге замерла. Су Мо развернулся, чтобы скрыться, но она окликнула его:

— Сяо Мо!

Слыша за спиной стук каблуков, он нехотя остановился и обернулся, вежливо, но холодно улыбнувшись. Цзинь Цзюань всегда казалась такой утонченной и порядочной... Су Мо и подумать не мог, что она способна на измену.

— Сяо Мо, — она растерянно заморгала, — мы же в одном дворе живем, ты сам знаешь... Отец Сяюя только и делает, что в карты режется. В доме шаром покати, а сыну учиться надо, денег куча уходит. У меня не было выбора, я...

Она всхлипнула, на глазах заблестели слезы:

— Только не говори отцу Сяюю. Я ведь всё равно его люблю.

С этими словами она развернулась и на своих шпильках зацокала обратно к массивному мужчине.

Су Мо не понимал: если любишь, зачем идти к другому? Только потому, что у него есть деньги?

Его размышления прервал топот множества ног за углом. Он сделал шаг навстречу и едва не столкнулся с бегущими Су Цзинем и Лян Цинем. С ними были еще какие-то незнакомые парни.

— Дуй домой быстро! — рявкнул Су Цзинь и, не оборачиваясь, скрылся в темноте вместе с остальными.

Су Мо выглянул из-за угла и увидел, как к перекрестку бегут полицейские — человек пять.

«Что случилось? Почему полиция? В моих видениях их не было...»

Весь в тревоге, Су Мо вернулся домой и во всем признался матери.

— Я же говорила, до добра эти гулянки с Хань Дуном не доведут, — у Су Моли разболелась голова, даже любимый сериал был не в радость. — Подождем еще немного, если не придет — пойду искать.

В десятом часу раздался телефонный звонок. Звонили из участка: Хань Дун ударил человека ножом, а Су Цзинь проходит как соучастник.

Су Моли поняла, что сама не справится, пришлось будить мужа. Су Мо поехал вместе с ними. Увидев Хань Дуна в отделении, Су Мо вздрогнул: его рука была замотана несколькими слоями бинта, который уже насквозь пропитался кровью. Су Цзинь, Лян Цинь и остальные друзья, к счастью, не пострадали.

— Товарищ полицейский, я отец Су Цзиня. Что натворил мой сын? — Су Вэньгэ был человеком простым и бесхитростным, поэтому полицейские говорили с ним вежливо.

— Хань Дун нанес оппоненту три ножевых ранения. Ваш сын помогал, он соучастник. Придется ответить: штраф и постановка на учет с воспитательной беседой, — полицейский кивнул на парней у стены. — Остальных уже забрали. Лян Цинь, Хань Дун, а ваши где?

— У меня только бабушка, она старенькая, не надо её дергать, — буркнул Лян Цинь. — Денег у меня нет, так что сажайте.

— Ишь какой шустрый! — прикрикнул офицер.

— Да вы не сердитесь, — примирительно улыбнулся Су Вэньгэ. — Я за него заплачу.

— Дядя, не надо, там сумма приличная, — возразил Лян Цинь.

— Сколько надо, столько и заплатим. Сиди смирно, — Су Вэньгэ подошел к Хань Дуну и, увидев его состояние, ужаснулся. — Сынок, что ж с рукой-то у тебя?

Хань Дун, встретив этот полный искреннего сочувствия взгляд, слабо улыбнулся:

— Всё в порядке, дядя.

— Какое там «в порядке», бинты все мокрые! — Су Вэньгэ обернулся к дежурному: — Товарищ полицейский, наказывайте как положено, но нельзя же ребенку так кровью истекать! Они же дети совсем, им в университет поступать, жизнь впереди...

— Этим-то? В университет? — полицейский открыто усмехнулся, не скрывая сарказма.

— А почему нет?! — вспыхнул Су Вэньгэ, но Хань Дун придержал его за рукав.

— Дядя, забирайте Су Цзиня и Лян-цзы, уходите. — Хань Дун посмотрел на Су Мо. — И Су Мо уводите, ему не место в такой дыре.

— Никуда мы без тебя не пойдём, — Су Вэньгэ полез за пазуху и достал толстую пачку денег — там не было крупных купюр, всё больше десятки и двадцатки.

— Дядя, не надо за меня платить. Отец сейчас... — Хань Дун осекся.

В дверях появился Хань Чаннань в сопровождении помощника. В безупречном костюме, с идеально прямой спиной, он излучал ауру холодного превосходства. Он выглядел настолько сурово, что, казалось, мог проморозить стены насквозь. Присутствующие невольно расступились перед ним.

Хань Дун открыл было рот, чтобы позвать отца, но Хань Чаннань без единого слова с размаху ударил сына по лицу. Та крупница тепла, что теплилась в душе парня, мгновенно вымерзла.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Полицейский, сам того не замечая, вытянулся в струнку.

— Дядя, он ранен, вы что... — начал Су Цзинь.

Хань Дун перебил его, глядя на отца взглядом, в котором читалась та же ледяная жестокость:

— Су Цзинь, не трать слова на таких людей.

— Этот «такой человек», по крайней мере, тебя вырастил. А ты что умеешь? Только кулаками махать. Никчемный щенок, — голос Хань Чаннаня был полон властного презрения. Человек, поднявшийся с низов до вершин бизнеса, обладал поистине подавляющей харизмой.

Хань Дун оскалился в холодной усмешке:

— Я помню, что первой драке меня научил именно ты. Если бы я сегодня пырнул кого-то другого, ты бы и бровью не повел. Бесишься только потому, что я достал твою подстилку.

Хань Чаннань снова ударил его. Правая щека Хань Дуна мгновенно распухла. Су Мо, видя затаенную боль в его глазах, почувствовал, как сжимается сердце.

— Дядя, вы бы хоть разобрались сначала! — Су Цзинь уже не мог сдерживаться. — Та баба сама напросилась! Она специально оскорбляла мать Дун-цзы, провоцировала его! А вы...

— Замолчи, — не повышая голоса, бросил Хань Чаннань, и в этом коротком приказе было столько веса, что Су Цзинь осекся.

Су Мо подошел к отцу. «Папа, заплати за Хань Дуна».

Су Вэньгэ взглянул на Хань Чаннаня и кивнул:

— Товарищ полицейский, сколько с них троих? Я заплачу. Ребенку в больницу надо, кровь не останавливается.

— А, ну давайте, — полицейский и сам уже считал Хань-старшего чересчур жестоким. Бить раненого сына — богачи и впрямь народ бездушный.

Пока Су Вэньгэ пересчитывал свои крохи, Хань Чаннань молча положил на стол пачку сторублевых купюр — там было не меньше десяти тысяч. В те времена для обычной семьи это было целое состояние.

— Пострадавшим я уже выплатил. На этих троих здесь хватит с лихвой, — бросил он, чеканя каждое слово.

Полицейский кивнул:

— Но мы всё равно должны провести воспитательную беседу.

— Я уже переговорил с вашим начальником. Можете позвонить и уточнить, — Хань Чаннань окинул ледяным взглядом Су Вэньгэ и остальных, после чего вышел, даже не удостоив сына последним взглядом.

Как только дверь за ним закрылась, Хань Дун в ярости пнул стоявший рядом стул.

— Порча государственного имущества! — тут же подал голос полицейский. — Штраф!

<http://bllate.org/book/17506/1654564>